

Таким образом, рассмотрены основные причины, оказывавшие влияние на колебание численности омуля. К ним нужно отнести изменчивые гидрологические условия, способствующие или препятствующие размножению омуля, и неравномерное воздействие промысла в отдельные годы, в связи с ослаблением или усилением ограничительных мер на отлов производителей и молоди, также на колебания численности омуля сказалось состояние кормовой базы. Так как омуль по преимуществу рыба планктоноядная, когда обилие или недостаток планктона, а также наличие конкурентов может в известной степени отразиться на выживаемости главным образом молоди омуля.

Список использованной литературы и источников

1. Кожов М. М. Биология озера Байкал : учеб. пособие / М. М. Кожов. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 315 с.
2. Мишарин К. И. Промысел и воспроизводство рыбы на Байкале / К. И. Мишарин. — Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1949. — 55 с.
3. Попов А. Г. Историческая справка о рыболовстве на о. Байкал / А. Г. Попов // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне о. Байкал. — 1958. — № 1. — С. 32–38.
4. Фертауп Е. Рыбное хозяйство на путях социалистической реконструкции / Е. Фертауп. — М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. — 88 с.

Информация об авторе

Аргунова Юлия Юрьевна — аспирант, кафедра истории экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: yulee@mail.ru.

Author

Argunova Yuliya Yurievna — post-graduate student, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: yulee@mail.ru.

УДК 502.7(571)(091)
ББК 28.08(253)г

И.В. КУРЫШОВА

ПРИЧИНЫ АКТИВИЗАЦИИ ЛЕСООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Исследуются причины активизации деятельности по охране лесов в Байкальском регионе. Рассматриваются экологические последствия экономической модернизации. Делается вывод о необходимости правового регулирования лесопользования в конце XIX — начале XX вв. и создание специальных учреждений — лесничеств.

Ключевые слова: охрана лесов, землеустроительная реформа, строительство Транссибирской железной дороги, лесные пожары, самовольные порубки.

REASONS OF GOVERNMENTAL FOREST PROTECTION ACTIVITY IN BAIKAL REGION IN THE LATE XIX — BEGINNING XX CENTURIES

The author basing on archives, information of periodic publications, etc., researches the reasons of governmental forest protection activity in Baikal region in the late XIX — beginning XX centuries. The article considers results of economic modernization in the region during presented period. The author concludes that there is the need of legal regulation in the sphere of Baikal region timber exploitation in the late XIX — beginning XX centuries and the need of special management structures formation (as forestry) exist.

Keywords: Baikal region, forest protection, resettlement policy, land use reform, Trans-Siberian Railroad construction, wild fire, illegal felling.

К концу XIX в. вопросы охраны природы Сибири, в частности, Байкальского региона, становятся объектом пристального внимания властей. Можно утверждать, что именно в период конца XIX — начала XX вв. складывается система природоохранных мероприятий, распространяющихся на территорию Байкальской Сибири. Активизация природоохранной деятельности была обусловлена прогрессирующим сокращением природных ресурсов региона. Вместе с тем, эта деятельность является проявлением общей для России того времени тенденции, продиктованной модернизационными процессами.

В условиях относительной неразвитости индустрии, слабой заселенности, малорентабельного земледелия, основными ресурсами, составляющими природные богатства края, являлись леса. Долгое время считалось, что лесные богатства Сибири неистощимы, однако практически бесконтрольное пользование лесами способствовало возникновению проблемы сокращения лесных массивов. Еще в 1867 г. А.Ф. Миддендорф, путешествовавший по Сибири, писал: «Вопреки ожиданиям уже не нашел первобытных лесов среди необозримых лесных сибирских пространств» [10, с. 110].

Строительство Транссибирской железной дороги, развитие золотодобывающей промышленности, массовое переселение крестьян из Европейской части России, — все это увеличивало нагрузку на лесные площади. В отчете Иркутскому генерал-губернатору в июне 1906 г. Управление государственных имуществ Иркутской губернии сообщало, что «хозяйственная заготовка разного рода лесных материалов производится, главным образом, для Сибирской железной дороги, затем для нужд города Иркутска, для углепромышленников Черемховского района, для военных нужд» [5, л. 70–71]. Немалый вред сибирским лесам причиняли золотопромышленники, артели которых вырубали громадные площади

лесов для нужд приисков, в результате чего лес по берегам рек в золотодобывающих районах был фактически уничтожен. [7, л. 15; 11, с. 30].

Серьезное влияние на состояние лесных ресурсов региона оказала переселенческая политика. В результате переселения крестьян из Европейской части России почти в два раза увеличилась численность населения Сибири. В Восточной Сибири за 1896–1914 г. осело 528,4 тыс. переселенцев, из них 127,5 тыс. в Иркутской губернии и 18,7 тыс. в Забайкалье [12, с. 60].

Правила образования переселенческих и запасных участков были утверждены в 1893 г., в 1912 г. в них внесены некоторые дополнения. В колонизационный фонд входили свободные казенные земли, а также земельные излишки инородцев и крестьян, некоторые казенно-оборочные статьи, лесные пространства, «по первоначальному обследованию зачисленные в казенные лесные дачи, но при более подробном осмотре могущие оказаться более пригодными для колонизационных целей» [3, л. 8]. Таким образом, часть казенных лесов, будучи отведенной в пользование переселенцев, выводилась из-под контроля государства. Колонизация повлияла также на состояние заказников. В 1909 г. Иркутский генерал-губернатор утвердил правила выделения площадей казенных лесных заказников для целей колонизации. [4, л. 56]. Несмотря на наличие документа, регламентирующего данный вопрос, нередко возникали конфликтные ситуации.

Отразилась на состоянии лесов и землеустроительная реформа 1896 г., тесным образом связанная с переселенческой политикой правительства. Вопросы пользования лесами крестьянских и инородческих обществ рассматривались в Правилах от 4 июня 1898 г., изданных для четырех сибирских губерний, в том числе Иркутской, и от 3 июня 1902 г. для Забайкальской области, в которых был установлен порядок отвода лесных наделов крестьянам и инородцам. Данные законы лишь в общих чертах устанавливали будущее лесопользование крестьянских обществ, и поэтому ряд вопросов требовал дополнения и уточнения.

Землеустроительная реформа и колонизация не только осложняли контроль за сохранением лесов. Основное их отрицательное влияние на состояние лесных ресурсов Сибири выразилось в том, что они провоцировали самовольные порубки, которые, по мнению участников Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев, проходившего с 23 по 27 января 1910 г., наряду с пожарами, являлись основной причиной сокращения лесных массивов в Сибири.

Журнал «Сибирские вопросы» сообщал: «Самовольные порубки производятся главным образом, переселенцами, которые идут в казенные леса после того, как обратят свои участки в пустыри, а вырученные деньги — на водку... Не имея сил развить сельское хозяйство и промыслы, они набрасываются на лес и истребляют его» [18, с. 84], «Великое переселение может обратиться не в колонизацию Сибири, а в

расхищение ее природных богатств» [2, с. 35]. Угроза сибирским лесам со стороны переселенцев была столь велика, что это было отмечено даже в проекте лесоохранительного закона 1911 г. В нем, в частности, говорилось: «Все административные силы и денежные средства должны быть мобилизованными для полного удовлетворения нужд охранения и улучшения лесов (все сосновые боры; леса пригодные для обслуживания местных рынков; леса вдоль сплавных железных путей; все леса защитные и водоохранные). Никаких уступок из лесов этой категории в переселенческий фонд быть не должно» [19, с. 81].

Статистические данные показывают, что в конце XIX — начале XX вв. в Байкальском регионе, увеличивается число вырубок как в целом в крае, так и в отдельных лесничествах. Иногда масштабы вырубок и ущерб от них были поистине огромны. Так, ревизия в Верхнеудинском лесничестве в 1909 г. обнаружила хищений леса за один 1908 г. на сумму на сумму 55 тыс. р. (по таксам 1902 г.). Оказалось вырубленным на местах заготовок и не оплаченным таксовой стоимостью до 25 тыс. куб. саж. леса [1, с. 118].

В первую очередь вырубался наиболее ценный лес, а также расположенный ближе к населенным пунктам. В последнем случае «самовольщиками» становились иногда целые организации. Например, в 1913 г. была зафиксирована самовольная порубка на Кайской горе, вблизи г. Иркутска, совершенная телеграфным ведомством. По подсчетам городской Управы было срублено около 600 деревьев, среди которых было много сосен диаметром до 7 вершков [17, с. 2].

Источники изобилуют свидетельствами хищнического истребления местным населением лесов. Приведем лишь несколько примеров. В летописи Верхнеудинска сообщается: «Буряты перед пасхой, целыми возами продают пихту, и не только ветками, но даже целыми деревьями, срубленными под корень. Ветвями пихты устилают полы домов, а целые деревья ставят по углам комнат и у крыльца для запаха... А евреи из сосны устраивают по случаю своих праздников шалаши, а затем их вываливают там, где сподручнее» [16, с. 6]. В конце XIX в. встречаются случаи хищнического отношения к кедру. Так, например, 30 августа 1899 г. объездчик 8 объезда Троицкосавского лесничества Демин обнаружил 17 срубленных кедровых деревьев. В результате расследования выяснилось, что крестьяне Бичурского селения А. Павлов, А. Савельев и А. Григорьев «срубали кедровые деревья для того, чтобы удобнее было с них собирать шишки» [6, л. 7]. Количество подобных свидетельств говорит не о единичности таких «выходок», а о массовом изменении традиций природопользования, которое, видимо, необходимо связывать с распространением рыночных отношений, не подразумевающих бережного отношения к природе, и связанным с этим общим падением нравов.

Еще одной важнейшей причиной сокращения сибирских лесов являлись лесные пожары. Причины лесных пожаров часто имели природное

происхождение, например, молнии, сопровождающие сухие грозы. Фактором, способствующим распространению пожаров, являлось преобладание в сибирских лесах хвойных пород деревьев, чрезвычайно восприимчивых к огню. Но основной причиной возникновения лесных пожаров был антропогенный фактор.

При детальном рассмотрении антропогенный фактор может быть подразделен на несколько составных частей. Одним из его проявлений являлась халатность заготовителей леса, являющаяся следствием беспечности и хозяйственной безграмотности и приводящая к пожарам. Как отмечается в «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», при сведении лесов на строевой лес и дрова крестьянами использовалась только крупная часть ствола дерева, а большие сучья и вершины, иногда превышающие длину вырубаемые из них бревна, никем не убирались и, в условиях летней засухи или весеннего бестравья, часто провоцировали лесные пожары [13, с. 366]. В «Обзоре Иркутской губернии за 1889 год» утверждается: «Сознание необходимости сохранения леса у населения, не чувствующего еще недостатка в нем, развито слабо, по крайней мере только этим можно объяснить такое обычное явление здесь, как незагащенные костры» [14, с. 36].

Одной из главных причин лесных пожаров являлись умышленные поджоги. Поджигатели леса преследовали самые разнообразные цели. Вблизи золотых приисков лес выжигался для «осветления» и освоения территории. Лес мог выжигаться охотниками с целью привлечения промысловых животных на молодую поросль. Распространенной практикой были поджоги с целью последующего получения сухого горелого леса по сниженной таксе.

Особенно большой ущерб лесу наносили весенние палы. Их проводили по пастбищам и намеченным к расчисткам угодьям для очистки и повышения урожая трав. «Начались обычные весенние палы. Второй лишь хороший весенний день, а кругом небо подернуто дымом горящего леса», — сетовали иркутяне еще в начале XX в. [17, с. 3]. Климатические условия Юго-Восточной Сибири позволяли крестьянам начинать палы в конце апреля — начале мая, поэтому пик лесных пожаров приходился на май. Это подтверждается статистическими отчетами лесничеств. Например, в 1903 г. на территории Иркутской губернии было зарегистрировано 83 пожара, из них более половины (45) пришлось на май. В июне было зарегистрировано 19 пожаров, 8 — в апреле, 5 — в июле, 3 — в сентябре, 1 — в августе, 1 — в октябре [8, л. 51]. Самые страшные лесные пожары начала XX в. отмечаются в 1915 г. По причине засухи весенние палы не погасли, а развились в «свирепствовавшие все лето пожары», продолжавшиеся 50 дней [21, с. 126]. Лесные пожары наносили огромный вред, уничтожая, в частности, высоко ценившийся строевой хвойный лес. В 1903 г.

лесные пожары в Иркутской губернии повредили леса на 18 063 р., было уничтожено 77 236 десятин лесных пространств, 7049 куб. саж. В Забайкалье было повреждено 1800 десятин [8, л. 11; 9, л. 54].

Вред от лесных пожаров не ограничивался убытками стоимости поврежденного леса. Не нужно забывать, что в Байкальском регионе в конце XIX в. значительная часть населения занималась охотой. Лесные пожары либо непосредственно истребляли животных, либо косвенно влияли на их численность. В одних районах промысловые животные исчезали, в других появлялись в небывалых количествах, и охота на них приобретала характер хищнического истребления. Немалые убытки несли местные жители, в огне погибал домашний скот, заготовленные дрова, сено, зимовья охотников с провиантом. Сокращение лесов приводило к обмелению рек, учащению засух, отрицательно сказывающихся на крестьянском хозяйстве [20, с. 20–21].

Итак, необходимость рационализации лесопользования в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX вв. вытекала из стремительного сокращения лесных ресурсов и бесконтрольного пользования ими. Государство, как собственник большей части лесных богатств Сибири, несло значительные убытки.

Основными причинами сокращения являлись самовольные рубки и пожары, инициированные человеком. Намечается тенденция трансформации экологических традиций населения в сторону отказа от рационального лесопользования. Все эти обстоятельства, в свою очередь, явились прямыми следствиями строительства железных дорог, индустриального освоения региона, колониционной политики правительства, землеустроительной реформы, распространения товарно-денежных отношений, т.е. всего того, что составляет содержание экономической модернизации Восточной Сибири.

Сокращение лесов, неконтролируемое пользование лесными угодьями вынудило правительство прибегнуть к организации системы рационального лесопользования, главным компонентом которой должны были стать специальные учреждения — лесничества.

Список использованной литературы и источников

1. Бонишко С. П. Леса Прибайкалья. Материалы к изучению лесов Дальнего Востока / С. П. Бонишко. — Чита : Типо-литография экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1923. — 123 с.
2. Великое переселение и лесная неурядица // Сибирские вопросы. — 1908. — № 29–30. — 8 окт. — С. 35–38.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 159.
4. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 387.
5. ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1128.
6. ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2944.
7. ГАИО. Ф. 176. Оп. 3. Д. 9.

8. ГАИО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 54.
9. ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1484.
10. Григер Т. Б. К вопросу истории проблем природопользования в Бурятии / Т. Б. Григер // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. — Вып. 1. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. — С. 110–114.
11. Гузенков С. В. Золотодобывающая промышленность и аграрный рынок Сибири и Дальнего Востока в конце — начале XX вв.: Экономико-статистическое исследование / С. В. Гузенков. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2003. — 38 с.
12. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. — 496 с.
13. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. IV. — М., 1890. — 426 с.
14. Обзор Иркутской губернии за 1889 год. — Иркутск : Губернская типография, 1890. — 44 с.
15. Сибирские вести. — 1913. — № 30.
16. Сибирь. — 1878. — № 18. — 4 июня.
17. Сибирь. — 1913. — № 175. — 8 авг.
18. Скалозубов Н. В лесах Енисейской губернии / Н. Скалозуб // Сибирские вопросы. — 1911. — № 2–3. — 24 янв. — С. 81–85.
19. Строгий А. А. О лесах Сибири / А. А. Строгий. — СПб. : Тип. СПб градоначальства, 1911. — 108 с.
20. Шахеров В. П., Даниленко А. В. Проблемы рационального природопользования в Сибири XIX в. / В. П. Шахеров, А. В. Даниленко // Хозяйственное освоение Сибири в XIX — начале XX вв. — Иркутск, 1991. — С. 16–22.
21. Шостакович В. Лесные пожары / В. Шостакович // Сибирская Советская энциклопедия. — Т. 3. — Новосибирск : Сиб. краевед. изд-во, 1928. — С. 124–127.

Информация об авторе

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский государственный технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Author

Kuryshova Irina Vasylijevna — PhD in History, Associate Professor, Chair of State Legal Studies, National Research Irkutsk Technical State University, 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074.

УДК 33:930
ББК 65.02

К.И. ПАШКОВ

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЖИВОТНОГО МИРА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1950–1991 гг.)

Период с 1950 по 1991 гг. можно в какой-то мере назвать периодом рационального охотпользования в Байкальском регионе. Именно в это время в рамках государственной природоохранной системы сфор-